

Никита Киров

КОМАНДОР
— ТОМ 2 —

Никита Киров

Командор - 2

«Автор»

2026

Киров Н.

Командор - 2 / Н. Киров — «Автор», 2026

Я должен был умереть со своими бойцами в подвале разрушенного дома — с пулей в боку и без радиосвязи, ещё и под обстрелом летающей крепости. Но там я нашёл запретный артефакт с душой древнего Небожителя. Он предложил сделку: моё тело взамен на спасение отряда. Вот только сделка сорвалась. Я выжил, и теперь за нами охотятся враги, а пробудившаяся во мне мощь может как спасти империю, так и её уничтожить.

© Киров Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Командор - 2

Глава 1

— Начинаем посадку! — взревели динамики под потолком.

Там уже загорелась красная тревожная лампочка. Все, кто находился в офицерской кают-компании на десантной палубе, тут же вскочили на ноги.

— Всем ответственным офицерам пройти на мостик, — продолжалось объявление. — Посадка через час.

Это касалось и меня. Раз я стал командором, то по регламенту был обязан присутствовать при каждой посадке крепости, если находился на борту.

— Всем, кто не задействован, оставаться на своих местах, — приказал я. — Полная готовность к посадке! Флетчер, за мной!

Флетчер тут же убрал нож, который точил. Недавно примкнувший к нам капитан Зорин взял заварник с только что заваренным чаем, очень крепким, но вкусным, и с большим сожалением вылил его в раковину. Такие правила, чтобы никого не обварило.

Остальные офицеры разошлись по своим помещениям. А я с Флетчером пошёл по узкому коридору, где горел красный тревожный свет.

— Это что? — спросил я, увидев ящики прямо в проходе.

— Господин командор! — неровно постриженный десантник без головного убора выпрямился и поставил на пол деревянную коробку. — Это мы домой просто везли, купили там. Дома такое не растёт.

Я взглянул внутрь. Там лежали апельсины, завёрнутые в бумагу.

— Гош-штинцы везут, — прошепелявил Флетчер, и взял один. — Возьму? — спросил лейтенант после того, как убрал апельсин в карман.

— К-конечно, господин капитан, — ответил боец, с недоумением глядя на Флетчера.

Тот взял ещё один и улыбнулся. Стало видно, что не хватает передних зубов, выбитых пулей в Инфиналии.

Заглянул в казарму и заметил среди бойцов Пашку Шутника. Он держал в руке парикмахерскую машинку, а один из десантников, постриженный не до конца, торопливо надевал форму. На голове у него было видно полосу выстриженных волос.

— Краб у нас в том отделении самый крутой был, — картавя рассказывал Шутник со смехом, ещё не заметив меня. — Как-то замочил трёх сухарей одним броском гранаты. А она потом ещё и взорвалась, хе-е.

— Сержант! — окликнул я. — Убрать бардак из коридора.

— Есть, господин командор! — отозвался тот и начал подгонять остальных. — Живо взяли ящики и под койки! Быстро-быстро!

— Мне некуда поставить, куда я их дену? — возмутился один из десантников.

— Боец! — рявкнул Шутник. — Выполнять!

Мы двинулись дальше.

По пути встретили офицера-инспектора Кеннета. Он только что вышел из галюна, куда загнал одного проштрафившегося бойца. Тот умудрился где-то напиться, а после шёл вдоль стенок, держась за неё. Думал, что никто из командиров этого не заметит. Заметили.

Офицер-инспектор встал у входа с сияющей улыбкой, будто его фотографировали для плаката, а внутри оставался боец с засученными рукавами и щёткой.

— Уже садимся, командор? — спросил Кеннет с довольным видом.

— Да. Можете присутствовать на мостике, офицер-инспектор, — официально сказал я.

— Не откажусь, — он повернулся к бойцу со щёткой и погрозил ему пальцем: — Я с тобой не закончил, Валера. К вечеру все галюны на всей крепости будут блестеть, как чайный сервиз на императорском столе.

Кеннет спуска солдатам не давал, но при этом сохранял среди них авторитет. Весь десант знал, что это боевой офицер, а не бумагомарака. Но и с бумагами он справлялся очень хорошо, чем очень выручал меня.

Уже втроём мы добрались до подъёмника. Охранявшие его императорские гвардейцы, которые всегда присутствовали на крепости, тут же вытянулись по стойке смирно, но руку к головному убору не приложили, потому что были при оружии. Один из них нажал кнопку вызова лифта.

Двери разъехались. Внутри уже стояли генерал Конрад Рэгвард и штабной майор Станислав Варга, о чём-то негромко беседовавшие.

— С возвращением домой, господа, — поздравил Рэгвард, глядя на нас.

От генерала немного несло выпитым. Пил он один, потому что с подчинёнными никогда не выпивал, а почти равного ему по статусу контр-адмирала Извольского не переносил на дух.

— А я впервые на севере, — признался я. — Как приехал в империю, так всё время провёл на югах. Вы и правда решили уйти в отставку, господин генерал?

— Верно, Дмитрий, уйду на покой.

— И ш-што вы там будете делать, гош-ш-шподин генерал? — шепеляво поинтересовался Флетчер, прикрывая рот рукой.

— Рыбалка, — Рэгвард улыбнулся. — Буду рыбачить и... не знаю, может, начну писать мемуары. Буду как генерал Дитрих Хардален: писать, что все вокруг неудачники и военные импотенты, и только я в одиночку спасал империю.

Рэгвард довольно засмеялся.

Двери закрылись, и мы начали медленный подъём. Скоро лифты закроют совсем, ведь во время самой посадки ими пользоваться запрещено.

— Хорошо, что вы заранее познакомились с майором Варга, — продолжил генерал, — а со всеми Варга надо дружить, — он засмеялся. — На севере они до сих пор имеют очень много влияния. Признаться, я приехал сюда, чтобы повидать вашего деда, Станислав. Он как-то меня приглашал, чтобы закрыть уже эти старые вопросы между нашими семьями.

— Когда визит? — спросил майор.

— Завтра. Я думал, что выйдет сегодня, но сегодня ваш дед меня не принимает, перенёс визит на завтра. Сегодня он чем-то занят. Будто до сих пор остались Великие Дома, и он во главе одного из них, — Рэгвард хмыкнул. — Завидую даже, как он умеет себя поставить. Я тоже из Великого Дома, но если буду так делать сам, то меня не поймут.

— Дедушка успел застать те времена, когда ещё были Наблюдатели, — будто оправдываясь за деда, произнёс Варга. — Скажу это не ради хвастовства, но многие до сих пор считают за честь к нему попасть. Даже императоры.

— Я слышал, — генерал кивнул. — Ну да ладно, сегодня отдохну в гостинице, а завтра к нему в гости.

Рэгвард и Варга вышли на своём этаже, а мы добрались до первой палубы.

На крепости не было парадного мостика со стеклом, откуда бы открывался отличный вид. Все операции проводились в глухой бронированной рубке, а за обстановкой следили с помощью наблюдательных постов и сложной системы перископов.

Помещение рубки было достаточно тесным. Немалую часть занимали кресла командира крепости и его старшего помощника, рядом с ними размещался стол штурмана, аппаратура связи и целый пост управления на одном помосте. Ещё здесь были радисты, шифровальщики, радиотехники, операторы радарных систем и прочие.

А кроме них, на крепости присутствовала целая орда механиков и инженеров, не считая десанта, пилотов, артиллеристов, врачей, санитаров и прочий обслуживающий боевую машину персонал. На борту всегда было больше двух тысяч человек, больше половины из которых были десантники.

— Высота две тысячи восемьсот метров, — доложил молодой высотный оператор с картавым выговором жителя Хитланда.

Крепости хоть и были частью имперской армии, но изначально считались флотом. При этом любая крепость считалась более важной, чем любой корабль морского флота, поэтому каждой командовал контр-адмирал.

А вообще, с этим была связана целая чехарда. На крепости всегда находился начальник штаба имперской армии, подчиняющийся ставке главнокомандующего напрямую, и сам штаб. В отсутствие имперского генерала на борту начальник штаба сам командовал как десантом, так крепостью, включая контр-адмирала, ну и, конечно, наземными войсками, которые были в секторе, если там не находился командир рангом повыше.

Но во время особых обстоятельств, когда крепость выполняла боевое маневрирование или посадку или находилась под угрозой уничтожения, контр-адмирал имел право взять прямое командование на себя для обеспечения безопасности летающей машины. Поэтому на эту должность выбирали только опытных и надёжных офицеров.

Сейчас начиналась посадка. Контр-адмирал Извольский уже присутствовал на месте. Седой, но ещё бодрый старик, обладатель шикарной пышной бороды, одетый в мундир и синюю флотскую фуражку, сидел в своём массивном кресле и разглядывал приборы.

Рядом с ним располагались старший помощник и штурман, а операторы управления: главный рулевой, два балансировщика и высотный оператор — находились за пультом в передней части рубки.

Кроме того, здесь были два офицера связи: молодой взаимодействовал с диспетчерской вышкой, а тот, что постарше — с машинным отделением.

Извольский недоволен на нас посмотрел и отвернулся. Поначалу я думал, что ему не понравилось моё назначение, но позже, когда я успел узнать его получше, то узнал, что ему не нравилось вообще ничего и никто.

Он был вечно всем недоволен, вот и сейчас сидел с таким кислым лицом, будто только что съел пару долек лимона. Насколько я знаю, радовался он только при виде своих внуков и кошек.

Я, Флетчер и Кеннет сели на откидные кресла у стены и тут же пристегнулись ремнями.

Вскоре подошли остальные дежурные офицеры: артиллерийский подполковник Крюгер, главный инженер Максимов, командующий авиагруппой полковник Штайнер, представитель штаба подполковник Бенелли и офицер-инспектор крепости Чжоу, очень усталый толстый бинхаец с большими мешками под глазами. Он явно не выпался.

Контр-адмирал поморщился и при виде этих офицеров, даже сильнее, чем когда увидел меня.

— Все ответственные присутствуют на своих местах, — сказал усатый старпом с большим родимым пятном на щеке и записал всех в журнал.

На переборке у входа мигала жёлтая лампочка сигнала посадочной готовности, были слышны переговоры по радиостанции. Несколько офицеров уже находились на диспетчерской вышке на земле и давали сигналы.

Началась рутина. Моя задача сейчас — присутствовать, чтобы сразу узнать о любых возможных задержках и тут же отдать приказы на случай, если внизу ожидается бой или кто-то попытается захватить крепость. Десант в этот момент всегда находился в состоянии полной боевой готовности.

С отдельной стойки, где были закреплены трубки переговорной связи со всеми отсеками и палубами, приходили доклады, связист только и успевал слушать и передавать всё старпому:

— Все самолёты в ангаре, закреплены!

— Орудия переведены в походное положение!

— Весь личный состав занял позиции для приземления!

— Все подъёмники закрыть, — спокойным голосом произнёс контр-адмирал. — Проверить готовность к посадке.

Старпом нажал кнопку, и на потолке загорелась красная лампочка. Следом заорала сирена. Гул двигателей стал громче.

— Земля докладывает, — произнёс офицер связи, глядя в сторону командного поста. — Ветер северо-западный, три метра в секунду, порывы до пяти. Поле свободно, расчёты на местах, готовность к приёму подтверждена.

Контр-адмирал откинулся в кресле и положил руки на подлокотники. Затем поднял правую и медленно вытянул сверху блестящий командирский перископ. Здесь была сложная система оптики, и эти перископы позволяли смотреть в любую сторону крепости, куда необходимо. Даже вниз.

— Машинное отделение, доложить о готовности, — произнёс старпом.

Офицер связи тут же взял трубку:

— Машинное, подтвердите готовность к снижению.

Он прижал трубку к уху, затем повернулся:

— Машинное докладывает: давление системы подачи топлива в норме, температура реакторной камеры три тысячи двести градусов, двигатели к манёвру готовы.

— Подтверждаю полную готовность, — заявил главный инженер Максимов.

Старпом сделал пометку в журнале, затем доложил:

— Господин контр-адмирал, корабль на точке посадки. Шасси готовы к развёртыванию, все системы подготовлены. Разрешите начать снижение.

Извольский медленно кивнул:

— Начать снижение, — сказал он спокойным голосом.

— Есть начать снижение! — громко прокричал старпом. — Высотный, малый ход вниз, сто восемьдесят!

Высотный оператор, светловолосый лейтенант уверенно положил руки на рычаги тяги и плавно сдвинул их на себя, глядя на приборы.

— Есть малый ход вниз, сто восемьдесят!

Стрелки манометров начали качаться, гул двигателей изменился, будто стал громче. В ушах начало понемногу закладывать.

— Снижаю тягу. Пошли вниз. Скорость снижения — двести... сто восемьдесят...

— Рулевой, держать позицию, — приказал старпом.

Второй офицер взялся за штурвал:

— Есть удержание. Курс стабильный.

— Балансировщики, доклад по отклонениям!

Тон старшего помощника звучал механически, будто он привык ко всему этому. Но за внешним равнодушием скрывался большой опыт, и в случае нештатной ситуации офицер отреагировал бы быстро.

— Крен ноль, стабильно, — отозвался один балансировщик.

— Дифференциал ноль два на нос, в пределах допусков, — добавил второй.

Штурман смотрел на карту, но от него сейчас ничего не требовалось. Он просто отмечал время начала снижения в журнале.

— Высота две тысячи шестьсот... две тысячи четыреста, — докладывал высотный оператор.

— Свяжитесь с базой, пусть подтвердят, — потребовал старпом, обернувшись к пункту связи.

Связист схватил трубку, прослушал ответ и доложил:

— Вышка подтверждает, идём ровно, смещения не наблюдают, скорость допустимая.

— Две тысячи двести... две тысячи...

— Дифферент ноль пять на нос! — доложил один из балансировщиков.

— Компенсировать, — приказал старпом.

— Есть!

Оператор сдвинул рычаг на пару делений, и через несколько мгновений наклон пола почти исчез.

— Тысяча восемьсот... тысяча шестьсот!

— Машинное отделение докладывает! — крикнул второй связист, держа в руке трубку.

— Расход игниума четыреста двадцать пять килограммов в минуту, температура камеры три тысячи сто, всё в пределах допусков.

— Принято, — сказал Извольский, взглянул на манометры и чуть поморщился.

Расход был выше нормы, но это считалось допустимым.

— Тысяча четыреста... тысяча двести...

— Выпустить шасси! — рявкнул старпом.

— Есть!

Карандаш на столе штурмана покатился к краю стола, тот едва успел его схватить.

— Выровнять дифферент, — произнёс Извольский и устало скривился.

— Выровнять дифферент! — проревел старпом, перекрикивая гул двигателей.

— Есть!

— Тысяча! Девятьсот!

Мы продолжали снижаться. Кеннет в этот момент с восторгом смотрел, как работает экипаж. Контр-адмирал снова выдвинул перископ.

— Вышка передаёт! — крикнул связист. — Шасси выпущены, визуально готовы к касанию.

— Восемьсот... семьсот... шестьсот, — продолжал докладывать высотный оператор.

Я крепче взялся за поручни. Флегчер тоже. Крепость начала подрагивать, не сильно, но ощутимо. Это восходящий поток горячего воздуха от поля бил снизу.

— Снос на юг два метра, — доложил рулевой. — Компенсирую.

Он потянул рукоятку, и двигатели загудели громче. Тяжёлая крепость начала сдвигаться, продолжая опускаться ниже.

— Продолжать снижение, — сказал старпом.

— Снос компенсирован, позиция стабильная.

— Четыреста пятьдесят... четыреста.

— Уменьшить скорость снижения, — приказал контр-адмирал.

— Высотный, скорость снижения сто!

— Есть сто.

Оператор сдвинул рычаг от себя, и двигатели загудели сильнее.

— Вышка докладывает: идём точно в центр, отклонений нет.

— Триста!

— Двести!

— Сто пятьдесят!

— Сто!

— Шасси к приёму нагрузки готовы!

— Семьдесят!

— Пятьдесят!

Кеннет посмотрел на Флетчера.

— Вот это махина, и ей так легко управляют, — прокричал офицер-инспектор.

Флетчер не расслышал, ведь двигатели загудели ещё громче, и просто пожал плечами.

— Самый малый ход, — сказал контр-адмирал.

— Высотный, самый малый ход! — проревел старпом.

— Есть самый малый ход.

Рычаг тяги отодвинули ещё, двигатели работали куда сильнее обычного, ведь они должны были замедлить машину, чтобы крепости не грохнулась на землю под действием силы тяжести.

— Тридцать!

— Двадцать!

— Пятнадцать...

Все напряглись. Сейчас наступал самый важный момент.

— Десять метров!

— Пять...

Раздался глухой удар. Крепость вздрогнула, со стола штурмана упал карандаш, Флетчер вцепился в кресло сильнее.

— Опора три — контакт! — прокричал офицер связи то, что ему передала вышка.

— Крен на правый борт, компенсировать! — очень громко приказал старпом.

— Есть!

— Контакт опор один, два, четыре!

— Сбавить тягу!

— Есть!

Раздалось ещё несколько глухих ударов. Крепость покачнулась и начала оседать. Все ждали, что будет дальше. Касание было видно и на приборах, и через наблюдательные пункты крепости, но дополнительно это всё страховали с земли.

— Все опоры — полный контакт, — доложил связист. — Крепость стоит на всех опорах, господин контр-адмирал.

— Все опоры в норме!

Извольский опустил перископ и посмотрел на приборы перед собой.

— Стоп машина, — отдал он приказ.

— Стоп машина! — второй связист тут же схватил трубку. — Механики! Стоп машина!

Гул двигателей, к которому все привыкли, постепенно начал стихать. Бледный Флетчер устало выдохнул и вытер вспотевший лоб. Кеннет покачал головой. Он впервые оказался в рубке в этот момент и сейчас выглядел счастливым человеком.

— Внимание экипажу, — старпом взял микрофон. — Посадка завершена. Отбой посадочной тревоги. Повторяю: отбой посадочной тревоги, — он посмотрел на часы. — Время: четырнадцать сорок семь.

Убрав микрофон, он начал делать запись в журнале. Операторы на помосте откинулись в креслах, начали разминать затёкшие пальцы. Связисты сели в свои кресла.

— Чисто сработали, — тихо сказал контр-адмирал Извольский.

Он с трудом встал с кресла, размялся. Затем посмотрел на остальных.

— Объявляю благодарность экипажу. Витя, — он посмотрел на помощника. — Будешь на земле, позвони секретарю Варга. Примут они меня сегодня или нет?

— Господин контр-адмирал, я уже просил вышку связаться с ними, — сказал тот. — Передали, что Варга сегодня не принимает, а завтра принимает генерала Рэгварда, поэтому вас примет только через два дня.

Извольский поморщился.

— К императору попасть куда проще.

* * *

На этом у нас было всё. Наконец-то можно было ступить на твёрдую землю.

Служу империи, как я говорил. И для её спасения мне нужно действовать. В первую очередь — восстановить боеспособность десанта и подготовить всех к грядущим событиям. Ведь много что может случиться.

Я спустился по трапу. Снаружи — полная темнота, хотя сейчас день. Ограница, северная часть континента, на зиму погружается в полярную ночь, которая длится почти полгода.

Снег на самой базе расплавился, но по периметру его было полно. Кто-то из бойцов сделал снежок и со смехом кинул в соседа. Люди с облегчением и жадностью дышали свежим морозным воздухом, потому что несколько дней провели в железной коробке.

Но здесь возвышение, воздух чище, а вот заводы вдаль капитально коптили небо. Там были видны сотни огромных подсвеченных труб, и из каждой шёл дым.

Это Нерская промышленная зона, главный производственный центр империи. Большая его часть располагалась в глубокой котловине, где и скапливался весь дым, так что неудивительно, что там ходили только в респираторах и противогазах.

Когда-то здесь было озеро, которое было решено осушить, там и разместили новые заводы. Говорят, что в Огранице солнца нет полгода, а в Нерске — круглый год.

Десантники выстраивались передо мной по ротам. А не мёрзнут парни. На мне сейчас не шинель, а тёплый полушубок, но холод всё равно пронизывал до костей. Зато бойцам здесь будто было уютнее, чем там, на юге, особенно после тех сырых ночей в грязи во время городских боёв. Да и влажность здесь не такая высокая.

— Добро пожаловать домой, — объявил я. — Вольно.

Оба батальона и вспомогательные роты разместят в казармах рядом с учебным центром к северу отсюда. Туда же прибудет пополнение.

— Могу вас подвезти, командор, — сказал майор Варга. — За мной выслали машину.

— Не откажусь.

Штабист подошёл ко мне в расстёгнутом пальто и без шапки, будто совсем не мёрз. Хотя все представители Дома Варга тоже из Климовых, и на севере жили с древних времён.

— А ещё я хотел передать вам приглашение на ужин, — произнёс Варга. — Мой дед о вас наслышан и очень хочет познакомиться с вами. Будем рады, если вы сможете сегодня приехать к нам.

А дух передавал мне, что со мной захотят поговорить на севере. Так и вышло.

— А ваш дед, — я задумался, — случаем, не тот человек, к которому так хотели попасть генерал Рэгвард и адмирал Извольский?

— Это он, — Варга кивнул. — Но сегодня он занят... потому что хочет увидеться с вами.

— Со мной? — я удивился. — Он отказал им из-за меня?

— Да.

— Ну раз так, то не откажусь.

Глава 2

«Король-Спаситель (дата рождения неизвестна, примерно 519 г. — дата смерти 537 г.) — настоящее имя неизвестно. Основатель и лидер деструктивной технофобной секты. Поднял религиозный мятеж против Таргина Великого во время Войны Небожителей. Был убит в бою будущим императором Павлом Грозовым.

По некоторым данным — Небожитель...»

— Справочник “Религиозные течения Юнитума”. Гуманитарный университет Урбуса.

Разумеется, сначала пришлось доделать кучу дел, побывать в штабе и поругаться с начальником тыловой службы Огрании, чтобы поставил нас на довольствие. Только после этого я смог выбраться, уже ближе к ночи. Но Станислав сказал, что это не проблема, ведь его дед ложится поздно, несмотря на возраст.

За Станиславом Варга прислали очень дорогую машину. Это «Имперский орёл», очень длинная модель, с таким просторным салоном, что на этих кожаных диванах поместилась бы целая компания. Причём у этой машины очень толстые двери и стёкла, она явно бронированная.

— Тяжело так ехать, — признался он, глядя в окно. — Ещё недавно стреляли, а тут спокойно. Без танка в колонне и взвода пехоты рядом, скажу честно, я чувствую себя неудобно, Дмитрий.

Станислав чуть улыбнулся и поправил перевязь, в которой покоилась его раненая рука.

— И ещё есть ощущение, будто приехал не домой, а в другую страну, по чистой случайности похожей на родные места.

— Надо привыкать, — сказал я. — На таком огромном расстоянии войну не видят.

Он кивнул. Варга говорил вежливо и немного официально со всеми, даже с солдатами. Но у него такое воспитание, он рос совсем в других условиях, чем я и многие другие.

А город жил своей жизнью. Заводы вдали коптели небо, по улицам ходили люди и ездили машины, дворники убирали снег, тёмно-серый из-за здешнего климата. Слишком много здесь заводов.

Повсюду светили фонари. Сразу бросилось в глаза, что хоть здесь и полярная ночь, освещение местами было таким ярким, будто стоял день. Благодаря залежам игниума электроэнергия и тепло в стране обходились очень дёшево, поэтому их особо не экономили.

Вскоре Нерская промышленная зона и город остались позади, но тихая дорога в бесконечных снежных полях была хорошо освещена фонарями. Меньше чем через час, мы были на месте.

Двухэтажный особняк казался необычным. Я не бывал в домах знати в империи Дискрем, само собой, но видел их издали. Там были сплошные каменные дома, аристократы кичились количеством этажей и занимаемой площадью, отделывали стены мрамором и делали огромные сады.

Фамильный особняк Варга выглядел совсем иначе. Он был деревянным, но впечатления, что это обычное жильё, не было.

Во-первых, он был красиво украшен, и само здание казалось основательным. Во-вторых, у него было два этажа и несколько надстроек-башен с большими окнами. Да и дерево наверняка очень дорогое.

Это старая традиция самых холодных мест Огрании, когда ещё не было котельных и дешёвого топлива. Их строили деревянными, потому что дровами каменный особняк не протопишь. Просто старались украсить их как можно сильнее.

Летом на территории был сад, но сейчас от него виднелись только дорожки, ограждения живой изгороди, клумбы и фонтаны. А ещё были памятники.

Машина въехала во двор, я вылез из неё и подошёл к одному из них. Этот каменный памятник изображал молодого человека в форме старого образца. В руке он держал копьё с очень длинным клинком.

— Это Небожитель Инжи Дерайга, — пояснил Станислав. — Последний Небожитель первого поколения. Умер молодым, а его последний прямой потомок погиб во время гражданской. Но его дочь была замужем за сыном основателя нашего Дома, так что в нас есть немного его крови.

— Разбираетесь в истории Небожителей?

— Немного. Мой прадед Ян был одним из них. Нерская промышленная зона построена на месте озера, которое он осушил.

Вообще, Небожитель Ян Варга растопил там лёд во время гражданской войны, чтобы по нему не прошли войска, а само озеро осушили уже после войны. Так что Станислав и правда разбирался в этом немного.

Встречали меня, как дорогого гостя. Слуги в толстых шубах и охранники, что стояли на крыльце, расступились, один провёл меня в дом. Я пошёл по ковру, только что расстеленному на крыльце.

— Вот сюда, господин, прошу, — слуга открыл мне толстую дверь.

Вошёл внутрь, и сразу стало тепло. Приятно пахло еловыми ветками. Снял верхнюю одежду, оставшись в форме, полушубок тут же забрали. Кобуру с оружием оставил при себе, как и положено.

Внутри дом производил другое впечатление: стены отделаны дорогим красным деревом, на полу лежали ковры, на стенах висели многочисленные картины, а вверх вела массивная деревянная лестница с очень высокими ступеньками.

Но Варга, да и мы, Климовы, на рост не жаловались, поэтому неудивительно, что для них сделали такие ступеньки. Лестница массивная, тяжёлая, достаточно дорогая, не удивлюсь, если такая стоит дороже, чем каменная.

— Я сделаю распоряжения и скоро вернусь, — сказал Станислав, вошедший следом.

Я пошёл посмотреть портрет, висящий над лестницей. На нём был изображён светловолосый молодой человек лет двадцати, неуловимо похожий на самого Станислава, но в чёрной военной шинели, какие носили лет сто назад.

И видно, что парню много досталось. Правый рукав шинели пустой, левый глаз прикрывала чёрная повязка, а под ней видны следы страшного ожога. Единственный зрячий глаз задумчиво смотрел куда-то за горизонт. Художник не пытался польстить заказчику и изобразил всё как есть. Но даже в таком виде этот парень выглядел несломленным и полным достоинства.

— Это мой отец в молодости, — услышал я скрипучий голос за своей спиной. — Ян Варга — самый упрямый хрен во всей империи, — он рассмеялся. — Во время войны потерял руку, глаз, у него чуть не поехала крыша, но он сражался до победы. Умер стариком, но в памяти людей остался молодым.

— Господин генерал, — я повернулся к нему. — Командор Климов, прибыл по вашему приглашению.

Глава семьи Варга носил генеральское звание, ведь он был имперским генералом во времена императора Константина.

— Давайте без церемоний, командор, мы всё-таки дальние родственники.

Старик был в генеральском мундире старого образца, с редкой наградой на груди — Валайским крестом, который давали за очень серьёзные заслуги. Он медленно шёл ко мне, опираясь на толстую деревянную трость.

Станислав говорил, что его деду очень много лет, больше ста двадцати, но он всё ещё сохранил ясность ума и мог ходить сам. Хотя и скрючившись в три погибели, но без посторонней помощи.

Седые волосы растрёпаны, видна розовая лысина, лицо сморщенное, руки скручены артритом, но трость он держал крепко, а взгляд голубых глаз был ясным.

Анатолий Варга подошёл ко мне и протянул руку, я её осторожно пожал. Ладонь у него холодная.

— Мы, Варга, упрямые, но это пошло от вас, Климовых, — старик хмыкнул.

— Наша фамильная черта, — пошутил я.

— Я вот слышал, что вы, командор, со своей раной продолжали сражаться, пока не вышли из окружения.

— Нельзя мне было тогда умирать.

— Уважаю, командор. А вот мне запретил умирать отец, — он с улыбкой показал на портрет. — Так и сказал на смертном одре: не смей умирать, Толя, пока мы не закончим. Вот и живу до сих пор.

— С чем не закончим? — спросил я, чувствуя, что шутки кончились.

— Пока не закончим вытаскивать империю из этой задницы, куда она угодила, — сказал старик Варга, и улыбка исчезла. — Нам нужно много чего обсудить... — он сделал паузу и добавил: — Небожитель.

— Я и прибыл для этого.

Значит, про него мне и говорил тот дух.

* * *

Анатолий Варга за свою долгую жизнь успел побывать не только имперским генералом, но и Наблюдателем, то есть правителем Огрании и главой одного из восьми Великих Домов империи. Всё это осталось в прошлом, но всё равно приглашение в гости к нему — это большая честь для любого.

Мы вдвоём сели в большой столовой, отделанной красным деревом, за огромным столом, заставленным блюдами и горящими свечами.

Кроме нас двоих в помещении никого не было. Станислав отправился повидать сестру и на ужине не присутствовал. Входили только слуги, чтобы принести новые блюда, но ненадолго, уходили сразу.

Северная кухня не походила на то, что мы ели на юге и в центральной части империи, и тем более не напоминала Дискрем. Здесь было очень много мяса, в основном жареной дичи, и немало вина. А по сравнению с тем, что мы ели на фронте, тут была просто сказка. Так что я себя не ограничивал.

— У меня плохие зубы, — пояснил патриарх семьи Варга, когда перед ним поставили маленькую тарелку каши. — Могу есть только такое, поэтому отчаянно тебе завидую.

Его скрипучий голос я слышал хорошо, хоть и сидел с другой стороны длинного стола.

Передо мной стояло первое блюдо: поданные прямо с огня куски мяса с овощами. Я тут же подцепил один кусочек на вилку и разжевал. Да, после сухих пайков такое вдвойне вкуснее. Соли в меру, вкус яркий, само мясо мягкое. Идеально.

— Я удивился, — начал я, прожевывая кусочек, — когда вы отказали генералу Рэгварду и адмиралу Извольскому, чтобы поговорить со мной.

— Рэгвард — хороший собеседник, мы с ним иногда играем в карты, — старик засмеялся. — Но только когда никто не видит, ха-ха. А Извольский знает все сплетни обо всех, а ещё пьёт так, что не пьянеет.

— А все говорят, что он вообще не пьёт.

— Он хорошо шифруется, ха-ха, — он широко открыл рот, показывая оставшиеся там зубы.

Но тут вид у него снова стал серьезнее.

— Вы знаете обо мне больше, чем остальные, — произнёс я.

— Понял, что случилось, когда дошли слухи об извержении вулкана, — сказал он. — Но это не Таргин, у него не было таких сил. Ты нашёл и поглотил душу Моктара? Только Чёрный Волк умел управлять магмой. Я много знаю о Небожителях. Мой отец был большим специалистом в этом.

— Я слышал.

— Поэтому для тебя много задач. Если ты хочешь...

— Сначала ответы, — потребовал я.

— Командор, ответы будут постепенно, — его тон сразу стал командирским, будто он хотел мне приказать.

— Ответы, господин генерал, — твёрдо настаивал я. — Меня хотели использовать втёмную, когда я умирал. Но что-то пошло не так. Мне надо знать, в чём я оказался замешан и почему Небожители снова возвращаются. Ведь сейчас я не один.

Старый Варга посмотрел на меня, раздумывая о чём-то, но кивнул.

— Это и к лучшему, — пробормотал он. — Если бы ты делал всё, что тебе говорят, мы были бы в ещё большем дерьме... прости, говорю так за столом.

Он замолчал, раздумывая о чём-то почти минуту. Время тянулось долго, но я не мешал.

— Мой отец был Небожителем, одним из так называемого второго поколения Небожителей вместе с генералом Загорским и Катериной Громовой. Когда исчезли все изначальные Небожители, императоры Громы захотели вернуть их силы, чтобы самим жить вечно. Создали некоторых и убедились, что это крайне опасно. И что даже кровь потомков императора Громова не гарантирует результат. Погибли многие, даже наследники, но мой отец выжил. Катерина и Роман Загорский тоже.

Варга почти не ел каши, за всё время нехотя съел всего несколько ложек. Зато много пил из стакана, при этом морщился, будто это было горьким. Это отвар каких-то трав, судя по сильному запаху, который я чувствовал даже на расстоянии.

— Тогда люди ещё не знали, что Небожитель может перехватить себе контроль после ритуала. А когда узнали, то стало поздно, Таргин Великий к тому времени получил себе тело и контроль над ним, — громко произнёс он, — и сразу развязал Вторую гражданскую. Подёргал за ниточки, надавил на больное, и она началась. Старик хотел вернуть себе трон.

— Что было дальше?

— Его убили с огромным трудом. Мой отец тоже приложил к этому руку. Чуть не погиб сам, но в тот момент увидел, кто такой Таргин на самом деле, и понял, что он может вернуться. А за свою империю отец был готов сражаться вечно. Он всю свою жизнь посвятил тому, чтобы уничтожить Таргина, и готовил к этому меня. Он придумал этот план, а я воплотил... с тобой.

— Говорите, — потребовал я.

Я смотрел ему в глаза, тот мой взгляд выдержал.

— В этом доме есть лаборатория, где работал отец, — сказал старик. — Могу показать.

— Давайте посмотрим.

Дом оказался более технически продвинут, чем казался снаружи. Здесь был современный электрический подъёмник, ведь старик не осилил бы спуск по ступенькам, а в подвале стояли игниумные генераторы, я слышал их гудение.

Внизу стояло много шкафов с книгами. Старый стол из массива дерева завален бумагами, а в углу стоял алтарь со свечами предков. В основном все пустые, но одна из них горела серосиним огоньком. Я подошёл к нему, но огонёк свечи отшатнулся от меня, как испуганный. Я не стал его касаться.

— Отца тоже боялись, — сказал Варга, наблюдая за этим. — Души мёртвых боятся эссенции пожирателя.

— Он писал, что пожирателей было всего трое. Один из них — Моктар, второй — Павел Громов, потому что он поглощал чужие силы. И третий... это значит?

Озарение пришло быстро. А ведь к этому всё и шло и объясняло многое.

— Вы вживили мне душу своего отца? — догадался я. — Душу Небожителя Яна Варга? Чтобы он сожрал душу Таргина?

— Это так, — подтвердил Варга.

Вот же зараза какая, но многое сходилось. Душа Небожителя-пожирателя не показывала себя, пока я жил своей жизнью. А Таргин понял это слишком поздно. Вот чего он испугался. Таргин Великий ждал своего триумфального возвращения, но попал в ловушку. Такой был план. Вот только я про него не знал.

— Откуда эта душа у меня?

— Тебя привезли сюда, на север, — начал рассказывать старик, — когда ты был ребёнком.

— Кто? И почему я не помню?

— Агенты императорской охраны. Ты был совсем мал. Тогда как раз умер император Константин Великий, а его сын Михаил был слаб. Эти агенты рассказали мне о плане, что якобы хотят вернуть душу Павла Громова, чтобы удержать империю от развала, и даже нашли его потомка.

— Меня? — удивился я.

— Это всё была ложь, от первого и до последнего слова. Ты и правда Климов, я проверял. Но зато я знал, что секта, которая стремится вернуть Таргина, набрала сил, отец предупреждал меня о них. И я сделал вид, что их союзник и помог им... но кое-что изменил.

Я шагнул к нему, внимательно глядя ему в глаза.

— Вживили мне чужую душу?

— Я их обманул, — Варга усмехнулся. — Сказал им, что это поможет легче перенести душу Таргина, когда они её найдут. Они купились и провели ритуал. И этим самым обрекли своего бога на уничтожение.

— Легко было рискнуть ребёнком, — заметил я, почувствовал злость в голосе. — А если бы умер, то всё, отмахнуться от гибели сироты?

— А у меня не было выбора, Дмитрий. Они выбрали тебя сами, придумали легенду чудесного спасения из-за границы, чтобы когда нашли Таргина, он воспользовался этим. Но это бы тебя убило. Вернее, намного хуже. Ты бы остался в теле и наблюдал за тем, что делает Таргин, пока твоя душа бы не угасла. Представь, каково было бы ребёнку наблюдать за всем этим. А так твоя душа осталась, как и тело. И Таргин не вернётся к жизни и не уничтожит империю.

— Вот как. А никто не боялся, что тот, первый ритуал, я бы не пережил?

— Отец бы тебе не навредил. Люди шли за ним на смерть, и он знал цену чужой жизни. Он сделал бы всё, чтобы тебя спасти.

Голос старика ненадолго стал глухим. Я сел на скрипнувший стул, пытаюсь заново переосмыслить всё.

— Почему душу Таргина так долго не могли найти? — спросил я.

— Её перепрятал отец при жизни. Он сделал всё, чтобы усложнить им работу, но понимал, что они всё равно её найдут.

— А почему я оказался в Дискреме?

— А это — случайность. Заговор тогда чуть не разгромили, большинство участников секты повесили, остальные затаились на годы, а тебя вывели. Иначе петля ждала бы и тебя. В делах императорской безопасности даже детям нет пощады. Но они тебя нашли.

— Как ни посмотри, — сказал я с иронией, — пытаетесь делать вид, будто спасали меня всё это время.

— Так выглядит, — он усмехнулся. — Но это правда. Отец бы мне не простил, если бы я допустил гибель ребёнка, который оказался замешан в этих планах. Поверь, сектанты обошлись бы с тобой куда суровее. Но теперь им приходится действовать аккуратно. В твоём детстве это было важно, но сейчас ты повзрослел и можешь сам себя защитить.

Варга выдохнул, он устал говорить. А мне пришла в голову одна мысль:

— Стойте, — произнёс я, — но если мне внедрили душу Яна, то после моей смерти... это его личность исчезнет, а не Таргина. Он же был первым.

— Верно, — он внимательно посмотрел на меня, будто увидел впервые. — Ты прав. Ты очень хорошо всё изучил, командор. Но пока это никто не знает.

— Что будет с другими душами, которые со мной?

— Поглощённые души сливаются с изначальной, когда их пожирают. Но если пожиратель не успеет поглотить Таргина, то его душа сможет найти новую свечу, и тогда он получит новый шанс. Так уже было раньше. Поэтому нужно держать это в тайне, командор Климов. Или тебя убьют, и всё было напрасно.

Точно. Ведь если это пронюхают те заговорщики, то просто меня застрелят. И старик Анатолий это знал. А будь он на их стороне, он бы просто отравил меня за ужином или использовал бы всё влияние, чтобы я с той войны не вернулся.

Я пытался вспомнить, что произошло в детстве. Я не помнил, когда был ритуал и что при этом происходило. Я вообще почти не помнил раннего детства. Только сиротский приют. Я даже свою фамилию узнал, только когда мне исполнилось восемнадцать, а переехал сюда совсем недавно.

Старик с трудом подошёл к столу, скрюченными пальцами коснулся толстой тетради в коричневой кожаной обложке, а затем подошёл к стулу у стены и с трудом сел. Стул под ним скрипнул.

— Отец стал Небожителем, — произнёс он, — когда в детском возрасте в него вжили душу самого страшного Небожителя среди всех когда-либо живших — Короля-Спасителя. Безумного фанатика, отрицавшего прогресс. Его личность выжигала разум отца, пытаясь захватить контроль над телом. Но отец победил.

— И что дальше?

— Личность Короля-Спасителя исчезла, но сила Небожителя осталась с личностью моего отца, с тобой. Отец до сих пор сражается с Таргином. Он военный, как и ты. Один раз он победил, и теперь продолжает своё дело даже после смерти.

Варга устало сидел, опираясь на трость. Я окинул взглядом помещение. На стене висели два чёрно-белых снимка Яна Варга. На первом это ещё совсем мальчишка в старом мундире офицерской академии на фоне боевой ригги. На втором — решительный молодой мужчина, с его знаменитой повязкой на глазу, без правой руки. Искалеченный, но упрямый.

— Я думал, вы сделаете так, чтобы он жил вечно или переродился, — сказал я. — Это же знаменитая личность. Герой империи.

— Он бы меня не простил за это, — старик развёл руками. — Он до самой смерти вспоминал людей, кто отдал за него жизни.

Варга замолчал на несколько мгновений, подумав о чём-то. Взгляд стал туманным, смотрящим куда-то вдаль.

— И он понимал, что его план сработает только после его смерти. Но всё равно пошёл в бой. Таким он был, — с заметной гордостью и грустью добавил он.

Я сел на стул рядом со столом и посмотрел на толстую тетрадь. Открыл и полистал несколько страниц. Почерк неровный, ведь Ян Варга был правойшой, но правую руку потерял в молодости, поэтому писал левой, что освоил с трудом.

Значит, это с ним я говорил тогда, перед Моктаром, а он удивлялся, что я ничего не помнил. Он не как Таргин, который внимательно и жадно следил за тем, что происходит. Ян Варга не вмешивался в мою жизнь.

— Это первый вариант его монографии, — сказал Анатолий, показывая на тетрадь. — Здесь есть и то, что он не рискнул включать в печатный вариант. Можешь забрать.

— Почему у меня не было сил до того дня? — я задумался. — Король-Спаситель выжигал целые армии и города. Сам Ян Варга растопил озеро зимой, где сейчас стоит Нерская зона. Но до Таргина ничего такого я делать не умел.

— После того, как личность Короля-Спасителя исчезла, его душа сильно ослабла. Поэтому у тебя нет его белого огня. Но, — он наклонился ближе и прошептал: — тебе надо вернуть эту силу, чтобы бороться с Таргином на равных.

— Знать бы ещё, как это сделать.

— Ты знаешь. Надо искать новые души. Таргин в западне, но он ещё жив.

— Будто у нас только одна проблема.

Старик горько усмехнулся и взглянул на снимки.

— Вот этого отец не предусмотрел. Он даже представить себе не мог, что Дискрем сумел создать своих Небожителей, будто нам было этого мало.

— Вы и это знаете.

— У меня осталось кое-какое влияние при дворе. А сохранить такую тайну невозможно. Целых два новых Небожителя с неизвестными силами. Ложный император и его невеста. Но против них уже зреет свой заговор. Сейчас расскажу.

Глава 3

«Абсурдно огромные летающие крепости Юнитума — такое же бесполезное оружие, как их гигантские шагоходы в прошлом. У меня давно сложилось мнение, что конструкторы Риггеры знают о том, что имперские генералы не умеют воевать, вот и дают им пушки побольше, чтобы хоть как-то это компенсировать...»

— Дитрих Хардален, военный историк, генерал вооружённых сил империи Дискрем в отставке.

«Генерал Дитрих Хардален за всю свою карьеру никогда не показывал носа из штаба и никогда не интересовался обстановкой на местах. Во время кампании на архипелаге он даже не поверил донесениям собственной разведки и очень удивился, когда наши летающие крепости вышли ему в тыл и открыли огонь.

Он до сих пор обвиняет в том поражении кого угодно, кроме себя...»

— Имперский генерал Конрад Рэгвард, командующий армией Юнитума.

«Поражение на архипелаге Меркато стало возможным вследствие неблагоприятных погодных условий и ошибочных политических решений, а также свою роль сыграла низкая выучка рядового состава, панические настроения командиров и откровенный саботаж моих приказов...»

— Дитрих Хардален. Военный историк, генерал вооружённых сил империи Дискрем в отставке.

Мы вернулись наверх, но не в столовую, а в гостиную, где горел огромный камин, откуда бил жар. Старик устался в огонь, а я встал напротив, на мягкий ковёр. Слуг не было, двери плотно закрыты. На одной из стен вместо картин висела огромная карта мира.

— Главная беда в том, что на троне — не Громов, — произнёс Варга.

— Есть доказательства? — спросил я.

— Твёрдые. Скоро об этом узнает вся империя. Настоящий Алексей Громов жив, его похитили, когда он был в Дискреме, слухи были правдивы.

— Странное дело, — задумался я.

— Вы правы. Хотя его не совсем похитили, он дал себя обмануть. И там не совсем в заточении, а в золотой клетке, я бы сказал, — старик рассмеялся. — И даже особо не интересуется всеми этими делами. А на его месте двойник.

— И зачем такой риск для императора Дискрема? Почему он не избавился от настоящего?

Я подошёл к карте, осмотрел наш континент с большими ледяными пустошами на севере и не менее огромными пустынями на юге, затем осмотрел Дискрем, который находился целиком в умеренном поясе. А между нами лежала длинная полоса архипелага Меркато из десятков островов.

— Император Дискрема — не дурак, — жёстко произнёс Анатолий Варга. — И справедливо опасался, что двойник с силами Небожителя выйдет из-под контроля. Поэтому держал настоящего, как страховку.

— И кто это знает?

— Знаю я.

Старик прикурил сигару от большой спички и откинулся на спинку дивана.

— Вам не вредно? — спросил я с усмешкой.

— Мне сто двадцать лет, — Анатолий засмеялся, широко открыв рот. — Если не курить, я так вообще никогда не помру. Шучу. Дел ещё много, но от этого я пока отказаться не могу. Лёша Громов, — продолжил он, — жил на севере, когда был мальчишкой, я его хорошо запомнил. Двойник меня не обманул, это другой человек. Но внешне не отличить никак. Может, это тоже способность Небожителя?

— Кто ещё знает? — настаивал я.

— Знает верхушка армии, включая Загорского и адмирала Климова. Знает служба безопасности. Знает разведка. Знал генерал Салах, но сделал по-своему.

Все те, про кого говорил Крыс.

— И в чём их план? — я смотрел на Варга.

— Они заплатили огромные деньги, чтобы подкупить ответственных лиц в Дискреме и сыграть на их противоречиях. Не всем там нравится влияние Хардаленов. Возможно, им удастся выкрасть настоящего Алексея. Возможно, Хардален сам его отдаст. А как только они заполучат его в свои руки, тут же поднимут мятеж.

— Один уже пытался взять власть и сместить императора.

— Он боялся не успеть и поторопился. Но наткнулся на тебя.

Старик посмотрел на меня и вдруг засмеялся, широко открыв рот.

— И ничего у него не вышло! — смеясь, добавил он и затем продолжил: — План у них простой. Сделать парня марионеткой и править самим. Он легко поддаётся чужому влиянию. Может, даже снова вернут Великие Дома. Им нравится чувствовать себя знатью.

— Даже это хотят.

— И не только. В любом случае для империи настанут тяжёлые времена. Но нам надо их предотвратить. Мы уже с тобой не дали вернуться Таргину, — напомнил Варга, — иначе всё стало бы хуже. Но работа для империи ещё не закончена.

Мда уж, на войне было проще. Там хотя бы понятно, кто враг. Ну как сказать, враг там был везде, но рядом были люди, на которых можно было положиться. А сейчас?

С одной стороны двойник, с другой — марионетка тех, кто ради своих амбиций потерял тысячи наших ребят, отправив их в мясорубку безнадёжного штурма. Я видел во Фледскарте, сколько там погибло молодых необученных солдат в первые дни. Целые улицы были забиты сгоревшими танками, боевыми машинами и грузовиками, полными трупов. Чтобы забрать тела, по железной дороге пригоняли целые составы с холодильными камерами.

И заморский враг воспользуется слабостью, поэтому положат ещё больше ребят. И победят ли эти генералы-заговорщики в новой войне? Сомневаюсь. Ведь тех, кто умеет воевать, они задвинут подальше, как угрозу. Рэгвард уже готовится к отставке, а у нас мало офицеров его уровня.

Поэтому путь один — создать их самим.

— Вы хотите сами получить влияние на императора, — сказал я.

— Это возможно. Я же Варга. Конечно, я уже слишком стар, чтобы играть в эти придворные игры, но не всё же ему слушать всяких негодяев. А вот насчёт остального. Ваш десант будет охранять дворец, как хочет узурпатор. И ваше мнение будет учитываться.

— Это всё ещё заговор. Игра по чужим правилам. Да и когда заговор удастся, нас задвинут подальше. Уничтожить их самим? Гражданскую войну это не предотвратит, у них слишком много сил.

— Вы понимаете, — старик вздохнул. — Но должен быть и другой план. Что бы, по вашему мнению, сделал Таргин?

— Спровоцировал бы войну с Дискремом, — предположил я, — он так уже делал. И захватил бы власть силой.

— Вот только она всё равно начнётся.

Я задумался и снова посмотрел на карту, на два континента, которые разделал океан. Он большой и коварный, и пересекать его опасно, там слишком много мелких островов, коварных течений и враждебных Дискрему стран.

Но был лёгкий путь — через архипелаг Меркато. Многие годы Дискрем использовал его как перевалочную базу, но когда император Константин завоевал архипелаг, то выиграл для империи много лет мира, ведь интервенции прекратились. Поэтому враг будет стремиться вернуть острова себе, чтобы снова напасть. И эти интриги только нас ослабят.

— Узурпатор однажды сам отдаст им эти острова, раз он их агент, — сказал я. — Или его свергнут, тогда Дискрем захватит их под шумок. Всем будет не до этого. Оба варианта нам плохи.

Старик кивнул.

— Мы не можем поддержать узурпатора, — продолжил я, — и поэтому мой десант не будет его охранять. Но если поддержим заговорщиков, то станем угрозой для них, и от нас захотят избавиться. И замараемся там по уши.

— Это так.

— Но узурпатор доверяет мне. Доверяет и вам. Вы же Варга, самый преданный императору дом. Даже в эти времена это имеет значение. Поэтому нам надо убедить его отправить десант и крепость на архипелаг. Учения или что-нибудь ещё.

Варга просиял и заулыбался. Он даже будто скинул лет тридцать.

— У вас идея лучше, чем то, что я хотел предложить, — он с трудом поднялся. — Пока крепость там, Дискрем туда не сунется. А если сунется — вы его разгромите. Но острова император Хардален себе не получит и не сможет начать интервенцию. А затем...

— Выжидаем, — произнёс я. — И не даём врагу воспользоваться нашей слабостью.

Я захотел пить, поэтому отошёл к столику у стены, где стояла вода. Она уже тёплая, минеральная, но я всё равно выпил весь стакан.

— Таргин именно так бы и сделал, — сказал Варга. — Он бы применил силы Небожителя, и о нём бы заговорила вся страна. С одной стороны — наглые генералы, а с другой — опытный офицер, удержавший архипелаг. За кем бы пошла армия — вопрос понятный, — он усмехнулся. — Заговорщики будут делать всё, чтобы этого не допустить. Но если заговор удастся, я останусь здесь, буду им мешать, а все их силы будут сосредоточены на столице, чтобы не потерять влияние. Им будет не до вас, а потом, когда вы вернётесь, уже ничего они сделать не смогут. Но... что потом? — спросил он с тревогой.

— Если вернётся настоящий Громов, — продолжил я, — мы поддерживаем его. Если генералы-заговорщики отодвинут его от власти, мы его защитим. Выждем, изучим их и нанесём удар. Поставим во главе армии умелых офицеров, вроде Рэгварда, Извольского и многих других. И тогда... империя выстоит.

Варга поднялся, с трудом опираясь на стол, и подошёл ко мне, внимательно глядя в мои глаза.

— Ох, предки, помогите мне прожить ещё, — произнёс старик. — Пока ты будешь на архипелаге, ты не замараешь себя в интригах, заработаешь репутацию, и она тебе пригодится. План даже лучше, чем у Таргина. А я останусь здесь и прикрою отсюда.

— Нам нужны союзники, — сказал я.

— Будут, — заверил Варга. — Это я тебе точно обещаю.

Да, это тоже заговор. Но это заговор, как не дать пасть империи, у которой и так накопилось слишком много проблем. Да и если мы потеряем острова, новая интервенция не заставит себя ждать. Будем готовиться к этому.

* * *

Уже ночью я поехал в казармы. Станислав Варга вызвался меня проводить. Мы не обсуждали с ним то, что говорили, но Анатолий говорил, что его внук мало посвящён в эти дела,

но поддержку окажет. Он был формальным главой Дома, и больше сосредоточен на военных делах, чем на политических.

— Кстати, я хотел вам кое-что показать по дороге, — вдруг вспомнил Станислав. — Вам понравится. И это связано с вашими предками.

— Не откажусь.

— Сделайте крюк, к Аллее, пожалуйста, — вежливо попросил Варга водителя.

Тот молча свернул в низину, где воздух был более грязным. Хотя это не смог промышленного центра, где располагались основные заводы и где без респиратора нельзя было ходить совсем, но всё равно, сюда долетало немало дыма.

Я присвистнул, когда увидел место, куда свернула машина.

Сначала подумал, что это здания, но это были совсем не они.

Автомобиль остановился на освещённой площади, где до сих пор ходили люди. Здесь было чисто, но брусчатка под ногами обледенела, и ноги немного проскальзывали. Все эти военные машины были ярко освещены. И я чувствовал свечи духов внутри. В каждой машине был такой.

— По сравнению с тем «Катафрактом», разница в размерах огромная, — сказал я, окинув взглядом силуэты гигантских шагоходов.

— Вы правы, Дмитрий.

— Раз разбираетесь, то объясните, что и где, — я посмотрел на майора.

Зрелище меня захватило, я даже забыл о холоде.

На этой площади стояли боевые ригги — военные шагающие машины, давно снятые с вооружения. Здесь же все уцелевшие Исполины. Исполины — машины штучные, каждый был уникален, со своим именем, и нёс такой запас вооружения, что мог сравниться с линейным кораблём.

Но это и было проблемой — очень дорого, очень сложно, нужен экипаж, обучающийся годами, а без развитой системы логистики даже нечего думать, чтобы пустить это в бой. Раньше это искупалось их живучестью, ведь такую махину видели все, но мало кто мог ей хоть что-то сделать. А сейчас любой танк пробьёт эту монолитную броню. Но всё равно, выглядело это впечатляющим.

— Они ещё могут ходить? — спросил я.

— Да, некоторые выводят для парада, — Варга кивнул. — И для кино.

Ригги располагались от самой маленькой к самому большому Исполину.

Самыми первыми стояли модели класса «Улан»: шагоходы не выше пяти метров, а некоторые и того ниже. Ноги длинные, согнутые вовнутрь, наверху торчала кабина, в которой могли разместиться один-два человека. И то им было там тесно, как в танковой башне.

Были «Катафракты» с длинными ногами, достаточно быстрые, но с мощным оружием. В высоту они достигали почти десять метров. На их фоне «Паладины» — штурмовые ригги с очень толстой бронёй — выглядели толстыми бочками.

Каждая такая ригга вооружена огромным орудием в правой руке и тремя пушками поменьше в левой, не считая ракетного вооружения и скорострельных автопушек для ПВО.

Все эти шагоходы уже побывали в боях: на броне виднелись следы попаданий снарядов и маленькие отверстия от игниумных «копий» — первого оружия, что было способно пробивать такую толстую броню.

Были машины ещё двух моделей, не таких известных: вспомогательный «Эквит» и артиллерийский «Рейтар» с осадными миномётами.

— Названия взяты из книг о Переселенцах, — пояснил Варга. — Какие-то обрывки уцелели.

А дальше стояли машины куда крупнее. Мы стояли у их ног и смотрели вверх. Их мало, но чего же они огромные.

— Остались только эти, — сказал Станислав и показал на первую: — «Чёрный Рыцарь», Исполин дома Сантек.

Машина достигала в высоту почти двадцать метров. Пушек так много, что издалика силуэт напоминал огромного волинщика.

Следующий из Исполинов не стоял на постаменте, а лежал огромной грудой металла, хотя рядом с ним тоже была памятная табличка. Он лежал на боку, и, похоже, именно в этом месте он провалился под лёд, когда озеро растаяло.

— Нашли, когда осушили озеро, и оставили здесь, — продолжал Варга. — Это «Пожира-тель скал», Исполин Дома Кос. Глава Дома сам сидел за рычагами. Он пришёл на север мстить, но провалился под лёд, и его род угас вместе с ним... Вот это вам понравится, — сказал Станислав, когда мы подходили к следующей.

— Мне уже нравится, — признался я, оглядывая это чудовище.

— «Ищейка», — объявил он. — Шагоход, которым управляли только Климовы.

Эта машина внушала уважение. У неё четыре мощных ноги, а не две, Исполин мог подниматься и опускаться, ещё проходил по любой местности, причём с огромной скоростью.

А помимо тяжёлых пушек впереди, на спине было закреплено оружие главного калибра со своим собственным именем — «Карнифлекс». По мощи оно даже превосходит тяжёлые пушки крепости. Правда, у крепости их намного больше.

— Она до сих пор на ходу, — Варга сказал это с такой гордостью, будто это была его машина. — Как и Исполин моего прадеда. Смотрели «Братьев»? Там «Ищейка» тоже снималась, даже из пушки стреляла.

— Ещё не смотрел, если честно.

— Рекомендую. Хотя... концовка, конечно, ничего общего с реальной историей не имеет.

Я постоял внизу. Насколько я знаю, мой прадед, тот самый Павел, должен был ей управлять, но во время войны сражался против неё, а в «Ищейке» сидел его родной брат. Сложные же у них были отношения.

— А этот — тот, на котором воевал мой прадед. Тоже попал в кино.

Следующей машине досталось больше всего: на ней было столько отметин от попаданий, что массивные бронеплиты казались погрызенными, как дерево термитами.

Левая рука, она же орудийная платформа, была необычной: помимо нескольких орудий, на самом конце были закреплены огромные пальцы-манипуляторы, способные что-то взять. Это сложная система, но она работала. Причём хват мощный, я читал, что они могли даже разорвать броню другого Исполина.

А вот правой руки не было совсем. Насколько я помнил, её оторвало в бою, а вместо неё закрепили блок направляющих для тяжёлых ракет «Преисподняя». Ракет там сейчас, конечно, совсем нет, только направляющие со следами ржавчины.

Вот этот Исполин внушал больше всего трепета, потому что высотой он был почти тридцать метров.

— Огромный, зараза, — сказал я, глядя на него снизу вверх. — И это же не самый большой, как я слышал.

— Да, был ещё больше. «Палач». Но он попал под обстрел, у него лопнула нога, и он упал. Вот он был гигантом. Им управлял ваш прадед. В том бою участвовали наши прадеды, только по разные стороны.

Мы постояли молча, глядя на огромные машины.

— Времена сейчас другие, — задумчиво произнёс Станислав. — Наши прадеды враждовали, ну а нам надо жить дальше и работать совместно.

— Верно.

* * *

Когда уезжал отсюда, даже охватило лёгкое чувство грусти. Когда-то люди сражались именно на этих машинах, вели их в бой, а Исполины, можно сказать, были символом мощи и несгибаемости империи.

Но времена сейчас другие. Вместо пилотов знатного происхождения, каждый из которых учился много лет, сейчас были солдаты-срочники, управлявшие танками.

Танкиста было выучить проще, и танки стоили намного дешевле, но каждый из них мог легко уничтожить любую из этих махин, пробив лобовую броню в любом месте даже на огромной дистанции.

Времена меняются, что поделать, и для шагоходов своего места не остаётся. Даже огромная крепость ценится не за пушки и размеры, а за способность оказаться там, где враг её не ждёт, чтобы атаковать.

* * *

Я вылез неподалёку от базы, где села крепость. У меня ещё оставались дела с тамошним вахтовым офицером, дежурившим в ночь.

Большая часть десанта передислоцировалась в казармы к северу отсюда, но одна рота будет постоянно охранять крепость вместе с гвардией, но этот порядок надо было проверить.

На посту внешнего периметра были мои люди. Уже ночь, и просто так на территорию уже не попасть. Я слышал, как парни о чём-то тихо разговаривали. Голоса довольные, домой же прилетели, некоторые скоро увидят родных.

— Стой, кто идёт? — раздался окрик, когда я подошёл к воротам.

— Командор Климов, — я стоял на свету. — Начальника караула ко мне!

Часовой, не спуская с меня глаз, взял трубку полевого телефона. Его прозвище — Шкаф, он из роты Флетчера, и я его хорошо помнил, и он, конечно, знал меня в лицо. Но порядок есть порядок. Боец сам знает, что я ему устрою, если он нарушит правила.

Вскоре прибыл лейтенант Курякин, начальник караула. Я назвал ему пароль.

— Господин командор, разрешите доложить! — обратился ко мне офицер. — За время дежурства были следующие происшествия. Задержали одного подозрительного человека в форме полковника огранских РВС. Он не знал пароля. Сейчас он в караульном помещении.

— Дежурный на крепости поставлен в известность?

— Так точно, прибудет в течение часа!

Я не имел права отпускать офицера, да и не собирался. Какого хрена ему тут понадобилось? Хотя в душе понимал, что здесь, за тысячи километров от прошедшей войны, здесь расслабились все и наплевали на правила.

И это крайне хреново.

Толстый штабной полковник РВС Огрании возмущался так громко, что я слышал его даже на улице.

— Командор, что ваши люди себе позволяют? — он увидел меня в окошко. — Они угрожали мне оружием! Грозилась застрелить.

— Вполне могли, — заметил я. — И имели бы на это полное право.

Сказав это, я собрался идти дальше.

— Командор, вы меня не освободите? — удивился полковник.

— Порядок есть порядок. Ждите.

— Но ведь...

Привыкли тут, что офицерам можно всё. А по правилам часовой не имеет права пускать даже генерала Рэгварда, если тот прибыл не так, как полагается. Так что начнём их учить начиная с этого полковника. А парни — молодцы, не оплошали.

Да и мы все помнили, как под наших офицеров маскировались инфы. Они громко орала, угрожали, а молодые часовые терялись и пропускали диверсантов. Это заканчивалось плохо.

У самого входа в крепость стоял другой караул, на этот раз из императорских нерских стрелков. Но не тех, кто были с нами там на юге, а из местного гарнизона гвардии. И эти, заведя меня, тут же позвонили наверх, чтобы за мной опустили подъёмник сверху.

— Командор десанта идёт, — передали они по телефону.

Я остановился напротив них, оглядывая караул. Эти с недоумением смотрели на меня.

— Где начальник караула? — спросил я.

— А... — часовой почесал затылок. — В городе.

— Почему он в городе, а не на объекте?

— Ну...

Нет, ребята, так дело не пойдёт. Я им сейчас устрою.

— Вы что, всех пропускаете? — и когда мне не ответили, я рявкнул: — Дежурного сюда!

Прибыл дежурный офицер крепости, который, увидев, что начальника караула нет, замер и долго ничего не мог сказать от возмущения. А помощник начальника караула, зелёный сержант, никак не мог выдать, куда делся старший.

Зато понятно, что это системные нарушения. Вот же дрянь, не военный объект, а проходной двор.

Гвардейцы злобно сверкали глазами, когда я собирался поставить на этот пост людей из роты Флетчера. Прибыл гвардейский капитан, который орал на своих подчинённых так, что брызгал слюной. Для него это было унижением, что я собирался оставить здесь своих людей, но мы нашли компромисс: на пост заступили гвардейцы, которые вместе с нами отбивались во Фледскарте. Этим снайперам я верил, видел их в деле.

Но на крепость прошли три человека без разрешения. И ещё одного, того полковника-снабженца, которому ночью что-то понадобилось на складе топлива, не пустили. Что ему там понадобилось, будет решать военная полиция.

Двое из этих троих проходили и через наш пост, они знали пароли, их отметили в журнале. Один из них — старпом Тихонов, другой — главный инженер Максимов, они имели право здесь находиться. Но кто третий, никто сказать не мог. Говорили, что это полковник имперского штаба, но его документы никто не смотрел, потому что он ругался и торопился на встречу с адмиралом.

Просто пропустили, как привыкли.

Но кое-кто нашёлся. Пока гвардейцы суетились, а караул заменяли, ко мне подошёл боец в серой пятнистой униформе десанта.

— Господин командор, — вкрадчивым голосом произнёс Крыс.

Перед тем как нас отправили на север, его перевели в госпитальную часть крепости, ведь он числился раненым. Оттуда он должен был быть перевезён в госпиталь гарнизона. Но Крыс, он же капитан Райгер из императорской службы безопасности, оставался здесь.

— Ещё и ты прошёл, — заметил я. — Боец, ты что здесь делаешь?

— Господин командор, — зашептал он тише. — Я на посту. А они уже кое-кого пропустили.

— И кого? — тихо спросил я.

— Мне неизвестно, но мне было велено ему помочь.

— Он из ваших?

— Не совсем, но связан с этим.

Вот даже как.

— Тогда почему ты выдал его мне?

— Скажем так... вам он не друг, — произнёс Крыс. — И мне тоже. И они могут сделать всё только хуже.

Интересно, что он придумал. Но тут и так достаточно оснований, чтобы перетряхнуть всю крепость.

— Поднять роту по тревоге, — приказал я.

Глава 4

«Император Константин Громов начал заниматься военной реформой с первых дней своего правления. Прежняя система, когда каждый Великий Дом содержал собственные армии под своими знамёнами, была признана опасной для единства империи.

В 781 году была введена всеобщая воинская повинность. Срок службы в РВС был установлен в два года, в имперской армии, гвардейских частях и на флоте — три года...»

— История Юнитума. Новое время. Учебник для высших учебных заведений.

— Перекрыть отсеки три, пять и семь! — кричали по громкоговорителю.

Десантники прочёсывали помещения крепости, поднятые по тревоге матросы и артиллеристы осматривали свои отсеки. Я поморщился. Могли и не сразу объявлять, чтобы злоумышленник не сразу понял, что попался.

Но дежурный офицер перепугался и сразу поднял тревогу.

— Командор, что происходит?

Контр-адмирал Извольский уже натянул свой мундир. Вид у него усталый и невыспавшийся. Старик спал в своей каюте, когда его разбудили.

— Нарушитель на борту, — коротко сказал я. — Якобы пришёл на встречу с вами.

Хорошо хоть, что здешние офицеры понимают, что на секретном объекте гостей быть не может, и не стали мешать поискам.

— Я с этого караула головы сниму, — пообещал Извольский и направился к лифту, ведущему в боевую рубку.

— Лейтенант, — позвал я одного из своих офицеров, — выделите сопровождение для контр-адмирала.

— Это необходимо? — спросил контр-адмирал.

— Обязательно.

Он поспорил немного, но выдвинулся к лифту под охраной моих людей. Диверсант может и командующего убить. Вряд ли это диверсант, иначе бы Крыс о нём не знал, но всё равно меры стоит принять получше.

— Куда он мог направиться? — спросил я прямо у Крыса.

— Мне не говорили. Просто велели помочь ему уйти, если поднимется тревога, вот я и караулил. Не видел его до этого, иначе бы сразу передал нашим.

— А в чём его цель?

Он задумался.

— Я не знаю точно, но я думаю, что они хотят, чтобы крепость осталась здесь.

— В реактор! — приказал я, немного подумав. — И вызовите главного инженера.

Лучший способ остановить крепость — это что-то сделать со свечой Небожителя. Без неё она летит намного хуже, а взлететь не сможет вообще. А они уже в курсе моего разговора с Варга? Или просто не хотят, чтобы крепость вернулась в столицу на охрану императорского дворца, что обсуждалось ещё в Инфиналии.

Но их выходка не нарушит мои планы.

Подъёмники заблокировали, они теперь работали только после звонка диспетчеру прямо из кабины, при этом надо было назвать новый пароль. Но я пароль знал и спустился быстро, взяв с собой Крыса и ещё несколько человек.

— Стой, кто идёт?! — стоявшие у массивной круглой двери гвардейцы заняли позиции.

Они даже развернули пулемёт. Пускать никого внутрь не собирались, да и мне не положено находиться тут. Похоже, мимо них никто бы и не прошёл, в чём меня начал заверять главный инженер Максимов, чтобы не пускать проверку в реактор.

— Есть ещё технические ходы внутрь? — спросил я.

— Ну, туда, где мог бы пролезть человек, даже чисто теоретически...

Крыс жестами показал на стену. Похоже, он думал, что враг всё равно внутри.

— Есть или нет? Нужно проверить.

— Давайте проверим, — пожилой инженер поморщился и достал ключи.

Под взглядом гвардейцев мы вернулись к подъёмнику, но не поднимались. Максимов сам открыл небольшой люк в стене, из которого тут же ударила вонь и пошёл дым.

— Видите, — Максимов зажал нос. — Тут даже противогаз не поможет...

Казалось бы, он прав. Но я вспомнил ощущение, тот бой с огнёмётным танком из Фледскарта. Я почувствовал его раньше, чем увидел. Тогда я заметил через стены огонёк свечи предка, которая стояла в двигателе танка, но сейчас ощущение было другое.

Не видел огонька, но чувствовал, будто на меня было направлено тепло. И источник этого перемещался прямо за этой стеной.

— Откройте эту дверь, — приказал я.

— Не могу, — возмутился главный инженер. — Господин командор, у вас нет допуска. Вы не имеете права там находиться. Это государственная тайна.

Максимов посмотрел на механиков из своего сопровождения. Пусть они не были достаточно серьёзными бойцами, но они были готовы защищать свой участок даже от нас. Они на этой крепости живут месяцами, и для них она стала домом.

— Диверсант нигде не нашёлся, — произнёс я. — Проверьте эти помещения. Если он там, то это повлияет на всю крепость.

— Я проверю, — нехотя согласился главный инженер.

— Возьмите охрану. Из тех, у кого есть допуск.

Он с гордым видом показал на кобуру со своим пистолетом, будто мог справиться сам, хотя я не думал, что он умеет таким пользоваться. Его молодой темноволосый помощник, совсем ещё пацан не старше двадцати, открыл дверь.

— Но вам нельзя даже смотреть... — начал Максимов.

И тут тепло стало сильнее, будто я открыл дверцу печки. Помощник главного инженера усталился в проход, а я пихнул его в плечо. Но не руками, а своей силой, и он споткнулся.

Это его и спасло, выстрел прошёл мимо. Пуля со звоном отскочила от стальной панели стены. Тут выстрелил Крыс, вскинув автомат. Одиночный выстрел был куда громче пистолетного.

Кто-то упал.

Едва я подумал, что Крыс таким образом убирает хвосты, но увидел, что он выстрелил ему в правую руку. Но мужчина в форме полковника имперского штаба не собирался сдаваться. Он сжал зубы изо всех сил, и я услышал тихий хруст стекла.

— Медика! — приказал я. — Он принял яд.

Чудом выживший помощник тяжело дышал, инженеры озирались по сторонам, некоторые достали оружие. Раздавался топот бежавших к нам гвардейцев со стороны реактора.

А диверсант был мёртв. Раскусил ампулу во рту. То ли был излишне предан своему начальству, то ли тоже был фанатиком, готовым на всё ради Таргина.

В помещении не горели лампы, но свет был. Покойник сжимал в руках толстую свечу духа предка. И её серо-синий огонь аж пульсировал, будто заметил меня и тянулся в мою сторону. Мне даже стало жарко.

— Верните на место катализатор! — тут же приказал главный инженер.

Свечу забрали и тут же унесли в реактор, но я заметил, что огонёк тянулся ко мне, а не отшатывался. Молодой инженер, так и не поняв, что случилось. А вскоре здесь уже было не протолкнуться от вышестоящего руководства. Ещё бы, кто-то проник в реактор через технологические шахты и украл свечу предка, о таком даже императору должны доложить.

Хотя про свечу никто не говорил, но я, наконец-то, увидел своими глазами, как это всё работает.

Прибыли офицеры из имперской службы безопасности, которые начали допросы, а тело увезли. Но я через некоторое время вызвал Крыса, который знал об этом куда больше остальных.

— Значит, ваш, — произнёс я. — Поэтому и проник сюда.

— Так точно, господин командор. И если узнают, что я помог его найти, — он поёжился и не договорил.

Но тут и так понятно, что ничего хорошего его не ждёт. И всё же помог найти. Или действительно сделал ставку на меня, как тогда говорил, или втирается в доверие. Но мы с ним ещё побеседуем по душам.

— Вернуться в часть, боец, — сказал я и добавил: — Не узнают.

Заговорщики хотели не допустить, чтобы мы улетели в столицу, и чуть не поставили крест на планах по защите архипелага. С этой имперской охранкой надо держать уши востро. И ещё надо не упустить момент, когда они поймут, что ко мне уже был привязан Небожитель. Ведь тогда они захотят меня убить, чтобы их бог вернулся.

* * *

На время планового ремонта крепости нас разместили в казармах к северу от Нерской промышленной зоны. В этом районе было много наших войск, но для десанта были построены отдельные здания. Сейчас там только бойцы нашей крепости, две оставшиеся и их десант стоят на боевом дежурстве в разных концах империи.

Зам по тылу Леонтьев открыл мне дверь, и я вошёл в кабинет командира части. Покойный командор Шлейн любил, когда вокруг просторно, и помещение себе выбрал побольше. Выглядело всё роскошно: стены отделаны деревом, на одной висел имперский герб в виде ветвистого кольца, разделённого на восемь частей, и портреты императоров Громовых от Павла до Алексея. Сильнее всех выделялся сам Павел из-за своей бандитского вида повязки на левом глазу. Причём это не фотографии, а сделанные вручную портреты в рамках из резного дерева.

Стол огромный, покрыт лаком, писчие приборы на нём были украшены золотом. Шкафы заставлены книгами по военному искусству, на одном стояли миниатюрные макеты шагохода класса «Паладин» и всех трёх крепостей.

Это почти как кабинет имперского генерала, и теперь в нём буду сидеть я.

— Тут были личные вещи господина Шлейна, — сказал зам по тылу и почесал лысую макушку. — Я вернул их семье, но остальное принадлежало части.

— Понятно. Что у нас с вами по плану? — спросил я и показал на папки, которые он принёс с собой.

— Принёс акты по списанию, — Леонтьев вздохнул. — Слишком много имущества было потеряно, но мы учли всё. Но есть проблема.

— Какая?

— Пропала бочка спирта уже после того, как всё посчитали. Он будто испарился.

Может, спёр кто-то из экипажа, пока мы были внизу. Но Леонтьев клялся, что бочка была на месте, когда мы начали переход в Огранию.

Я понимал, чем мне предстоит заниматься в чине командора, но сейчас со всем этим столкнулся. И в первую очередь, это были бумаги.

Несколько часов сидел с Леонтьевым и остальными офицерами хозчасти, затем поехал в штаб РВС и решил накопившиеся вопросы по снабжению, госпиталю и прочему. Вернулся в часть к вечеру, и Леонтьев показал мне выделенный для меня домик, где я могу проживать.

Для меня был выделен отдельный офицерский дом на территории военной части, с небольшой территорией вокруг. Если так подумать — первое моё жильё впервые в жизни, где я мог жить сам, а не делить с кем-то помещение.

— Прислал бойцов, чтобы убрались, — доложил Леонтьев и в очередной раз почесал макушку. — Вы же всё равно в разъездах, вам некогда этим заниматься.

— Дом закреплён за мной? — спросил я.

— Так точно, господин командор. Всё время, пока вы на службе, он будет ваш.

А дом уютный и достаточно просторный, в нём целых две комнаты и кухня. Правда, очень мало мебели: только стол, пружинная кровать, пара стульев, висящий на стене радиоприёмник, когда-то белый, а сейчас жёлтый, и стоящий на тумбе телевизор.

— Проверил всё сам, господин командор, — заверил присутствующий здесь Пашка Шутник, которого подрядили под уборку и приведение дома в порядок вместе с его отделением. — А то знаю я этих тыловиков, точно себе что-нибудь спрячут.

Он скомандовал своим уходить, но его самого я задержал ненадолго.

— Ну что решил, Павел? — тихо спросил я.

— О чём вы, господин командор? — с удивлением спросил он.

— Дальнейшая служба. Задумывался? Я тебе кое-что предлагал.

— Ну, я подумал, — он замялся. — Наверное... как бы сказать... наверное, уйду на гражданку. Просто... ну, там посмотрю, что и как.

Жаль, это способный боец с большим потенциалом. Мы с ним ходили в разведку, и я ему верил. Но он почти отслужил свои три года, и заставлять его оставаться я не собирался.

— Как хочешь, — сказал я. — Хотя, конечно, ты бы нам не помешал. Но тогда у меня будет к тебе особая задача, раз ты пока здесь.

— Конечно, господин командор! — он подобрался и вытянулся.

— Серьёзная задача, — я подошёл ближе. — Наш разведвзвод первого батальона почти уничтожен. Будем создавать разведроту, но пока начнём с отдельного взвода.

Пашка тут же стал серьёзнее.

— Командиром пришлют нового лейтенанта из академии. Но раз у тебя есть реальный боевой опыт, и в разведку мы с тобой ходили, то я назначу тебя туда старшим сержантом. Будешь помогать командиру и заодно передавать свой опыт, пока не ушёл на дембель.

— Есть!

Да, много кто из побывавших в боях десантников уходит, и надо успеть организовать передачу опыта. Поэтому я не откладывал это дело.

Отдыхать в этом доме было некогда. У нас были большие планы, но для этого мне нужен боеспособный отряд, а десант крепости был сильно потрепан.

У нас только тыловые службы остались в полном составе, так что хотя бы здесь голова болеть не будет. Повара, снабженцы, механики и прочие у нас уже есть, но почти не осталось десантной бронетехники. Оркестр части со всеми инструментами на месте, хотя отряду тоже пришлось повоевать, а самых способных из него я перевёл в боевые роты. У нас все проходят полную подготовку, и музыканты не подводили.

Ещё вечер, но вокруг сплошная темнота, а из-за полярной ночи солнце покажется только весной. Так что я вернулся в кабинет, заварил чай, который мне подарил старый Варга, и ко мне туда прибыл ещё один посетитель.

— Разрешите войти, господин командор?

Командир второго батальона, майор Брайдер, выглядел, как при параде. Под мышкой он держал кожаную папку. Я кивнул, и он достал оттуда лист бумаги.

— Что это значит? — спросил я, держа рапорт об отставке.

— По крайней мере, так я не буду выглядеть трусом и предателем, — сказал майор. — Мы вернулись на базу, и вот теперь можно уходить.

Да, он честно и без жалоб выдержал все дни боёв, вернул людей на север, никого не бросив, и только после этого подал рапорт об отставке. Причины он не говорил. Возможно, был

разочарован в имперской армии после этой войны. Я слышал в штабе, что многие офицеры уходили в отставку.

То ли ему не понравилось, что командором поставили капитана из штаба имперского десанта, а не его, офицера с большим стажем.

— Твоё право, — я подмахнул ему рапорт.

— И тебе бы я советовал тоже уходить, пока не поздно, ведь дальше будет ещё хуже...

Я поднял взгляд на него, и он виновато склонил голову, не закончив мысль.

— Мы работаем дальше, — отрезал я.

— По крайней мере, — Брайдер посмотрел на меня. — Хотя бы в десанте будет командор, который побывал в бою. Чтобы во второй раз такой бойни не было.

У него было право уйти. Это же армия, кто-то уходит, кто-то может заболеть или погибнуть. Люди вокруг будут меняться, это неизбежно.

* * *

А я работал с теми, кто остался. Мне прислали списки офицеров на пополнение, чтобы я мог планировать, и я ждал их со дня на день вместе со свежими войсками. Но пока разбирался с теми, кто остался. Часть вернулась из госпиталя, часть была с нами, и в них можно быть уверенными. Ведь самый ад мы прошли вместе.

— Как твои зубы, Юджин? — спросил я у Флетчера, когда тот зашёл ко мне в кабинет. — Ты же ходил вставлять?

Тот поморщился и открыл рот. На губах ещё виднелись швы после ранения. Сверху торчало два новых золотых зуба, а обломки нижних передних уже были удалены. Скоро вставят и туда.

— То ли от боли тряс-с-стись, то ли от цен. Делают-то бес-с-сплатно, а вот материал за с-с-свои покупал.

— Ты золотые поставил? — удивился я. — Зачем?

— Блес-стят крас-сиво, — проговорил Флетчер, растягивая шипящие. — Зато пожрать с-с-с-скоро смогу, наконец. Надоели эти каш-шки. Я мяс-са хочу.

— Тебе ещё попугая не хватало. Чтобы выглядел, как пират из кино.

— Зачем мне эта курица? — с улыбкой ответил Флетчер. — Всю форму обос-с-срёт.

Но он стал серьезнее, когда понял, что сейчас разговор пойдёт иначе. Мы с ним были друзьями и раньше жили в одной каюте, но теперь всё будет по-другому. Раньше он был старше по званию, а теперь я его командир.

— Теперь слушай, Юджин. Скоро придут новые офицеры и солдаты из учебки. Первый батальон так и останется основным ударным, но и второй нельзя делать отстающим. Из-за этого у него были такие потери в прошлый раз. Будем натаскивать всех. Поэтому ты возглавишь второй батальон вместо Брайдера.

— Я хотел в с-свою роту вернутс-с-ся, командор, — прошипел он. — Или хотя бы возглавить первый.

— Ты уже грамотный командир, поэтому будешь натаскивать второй, он сейчас отстаёт. Дам тебе подходящих ротных, будешь передавать им опыт. Понятна задача, капитан?

— Так точно, гос-с-сподин командор, — отозвался Флетчер.

Спорить он не стал, только сходил попрощаться со своей ротой, у которой теперь будет новый командир из академии.

А я направился в ангар, где встретил новичка в нашем десанте — капитана Зорина. За кампанию в Инфиналии его повысили в звании, но при переходе в десант, приравненный к гвардии, звание автоматически понижалось, вот он и остался капитаном, но теперь это было имперское звание, а не региональное.

Он с грустным видом осматривал БД-49 — гусеничную боевую машину десанта. Бойцы под его присмотром мыли броню и гусеницы танкетки.

На Зорине была чистая форма, принятая у нас, но берет ещё не полагался.

— Как осваиваешься, Лёша? — неформально спросил я.

— Да понемногу, — протянул он. — Непривычно это всё.

— Вопросы если есть — не стесняйся задавать. Тебе надо много изучить.

— Не, я-то стесняться не буду. А вот насчёт вопросов... А когда мне дадут берет, как у вас? — спросил Зорин. — До сих пор не выдали. Сейчас, конечно, зима, и не до него, но...

— Когда прыгнешь с парашютом из крепости. У нас все прыгают, даже генерал. А потом тебе придётся прыгать прямо на этом, — я показал на БД-49.

— Ого.

— Теперь, капитан, слушай внимательно. У нас была отдельная бронегруппа, примерно два взвода, но она не относится ни к одному батальону. Сейчас там мало людей и техники, потеряли многих на высадке.

— Вижу, — он кивнул.

— И ещё мы потеряли бэтэры и самоходные зенитки и миномёты. Это будем восполнять. И пара танкеток ещё есть.

— А нормальных танков нет? — с надеждой спросил Зорин. — В танках я понимаю, на всех моделях учился. Хотя и на ваших в академии показывали, как ездить.

— Отлично. Будет проще. Но я решил формировать отдельную роту бронетехники усиленного состава. Из учебки пришлют новые экипажи, надо будет организовать слаживание с теми, кто уцелел. Ещё дадут новую технику, надо будет принимать. Вот всё это будешь контролировать сам, под моим присмотром.

— Понял, — Зорин нахмурил лоб, но оживился. — Брат, слушай... господин командор... но как всё это высаживать? Я же ползать рождён, забыл?

— Будешь учиться, пока время есть. Других офицеров на это не выделяют, воспитываем своих сами. Понятна задача, капитан?

— Так точно.

Десант крепости мало полагался на бронетехнику, в отличие от ВДВ региональных армий, у которых в каждой роте были такие машины. И это нам аукнулось во время боёв в самом начале, когда у нас были наиболее тяжёлые потери, хотя даже несколько танкеток в нужном месте могли спасти жизни.

Так что я исправлял ошибки той войны.

* * *

Через несколько дней прибыли около двух десятков новых офицеров: от взводных до нового командира первого батальона и нового начштаба. Я кратко с ними познакомился, но буду работать с каждым отдельно, чтобы понять, что это за люди.

Пока же мы просто пожали друг другу руки и начали присматриваться друг к другу. Времени для долгих разговоров не было: уже прибывали бойцы, которых надо принимать и распределять.

Их немало, ведь два батальона надо было довести до плановой численности по четыреста двадцать человек в каждом, не считая вспомогательных сил, которых самих набивалось на целый батальон.

— Вот же засада какая, — протянул Зорин, глядя, как солдаты, увешанные вещмешками и баулами, выходят из автобусов. — Совсем пацаны.

Хотя бы не только что призванные, а после учебки. Но этого всё равно было мало. Да и в учебке учат не всему, как мы узнали на собственной шкуре.

— Желторотики, — пробасил новый начальник штаба, широколицый крепкий бинхаец Ван Ли, и сплюнул. — Куда таких зелёных девать-то?

— Других нет, — возразил ему новый командир первого батальона капитан Бронин. — Обучим. В первый раз, что ли?

А остальные молча смотрели. Новички строились, с интересом смотрели на крепость вдали, переговаривались, кто-то посмеивался.

Пока я смотрел на них, не отдавал приказы, наблюдал, чтобы понять, из чего они сделаны. А они стояли в тёплых шапках и зимней униформе, переминались с ноги на ногу. Оружия не было, его выдадут в части. Тёмно-красных беретов тоже пока нет — их надо заслужить.

Все оживлённые, потому что они несколько дней ехали на поезде, а тут всё новое. И крепость стояла на базе, отсюда её хорошо видно. А служить на крепости — очень престижно, это давало дорогу в жизни.

Наши ветераны, совсем недавно бывшие такими же, тоже смотрели на них непонимающе. Будто за эти дни боёв повзрослели на много лет. Заметил Шутника среди старослужащих и поманил его к себе.

Просто стал замечать разное за людьми, как они смотрят и что думают. Может, зрение стало острее, или опыта прибавилось. Вот и Пашка о чём-то задумался.

— Ну что, сержант? — сказал я. — Много работы привалило?

— Пацаны же ещё, господин командор, — тихо сказал он. — Куда таких? Не вытянут.

Кто-то среди прибывших засмеялся, и на него прикрикнул следивший за порядком старшина.

— Вы сами были такими, совсем недавно, — возразил я. — А сейчас — боевые ветераны.

Шутник крепко задумался. Не удивлюсь, если он вспомнил, как сам впервые оказался под обстрелом, когда вокруг было мало людей с боевым опытом, кто подсказал бы, что делать. Не было никого, кроме Ильина, вот и учились всему сами. Но Ильина больше нет.

— Господин командор, — обратился ко мне Шутник. — Я тут подумал ночью... ну... может, останусь? Раз предлагаете.

— Почему так решил?

— Ну, на гражданке на завод только идти работать, где игниум перерабатывают, у меня там батя работает... А тут крепость, самолёты летают, вертолёты. Кормят ещё хорошо. Как-то привычно всё.

Нет, подумал он об этом только сейчас, представив их на своём месте. Или вспомнил старшину Ильина, который так возился с молодыми, чтобы они вернулись из боя живыми.

— Договорились. Иди в штаб, передай, что я велел оформить тебе бумаги, — я начал отходить.

— Только отпуск бы сначала, господин командор, — Шутник усмехнулся. — Чтобы посмотреть, отчего отказываюсь.

— Наглеешь, сержант, — осадил его я, и он вытянулся по стойке смирно. — Ещё рано. Но будет тебе отпуск за былые заслуги. Вернуться в строй!

— Есть!

Я поглядел на новых командиров батальонов, рот, старых бойцов, новых. Задача сложная. За несколько месяцев эта орава должна работать как хорошо настроенная военная машина. Чтобы в первом бою они вели себя не как брошенные испуганные щенки, а как обученные войска. Ведь у нас будет серьёзный враг.

У меня много сил, как у Небожителя. Но история империи показывала, что какими бы сильными ни были эти Небожители, в итоге побеждали обычные войска.

А моя задача в том, чтобы эти люди не только заслужили носить берет, но и выстояли в первом бою.

— Построить всех, — приказал я.

Офицеры тут же занялись делом.

Глава 5

«Имперская армия (первоначально: Собственные императорские войска) была создана Павлом Громовым в 550-м году на базе собственной гвардии для управления ополчением Великих и Малых Домов. Первый командующий — Юрий Климов по прозвищу “Варг”, будущий основатель Дома Варга...”»

— *Военная история Юнитума, том 2.*

Массивный силуэт крепости подсвечивался прожекторами и габаритными фонарями, так что его было хорошо видно даже издалека. Я вышел из машины и увидел, как у одной из стоек шасси собрались наши офицеры.

До меня доносился их разговор:

— Ты точно надо мной не смеёшься? — услышал я голос Зорина.

— Вс-с-се так делают, — проговорил Флетчер, сверкая новыми золотыми зубами. — Даже адмирал тут с-ссыт. Так что не с-сы... В с-смысле — наоборот.

По старой традиции офицеры крепости и десанта перед прыжком или боевым вылетом мочились на огромную стойку шасси. Не знаю, откуда этот обычай взялся, но он прижился лучше всех прочих.

Разговоры быстро стихли, потому что появились бойцы. Только что шутившие между собой командиры напустили на себя важный вид.

— Кеннет с вами прыгает? — спросил я. — Ему тоже положено.

— Нет, он где-то в час-с-сти, — прошипел Флетчер.

Опять скрывается наш инспектор. Летать любит, крепости тоже любит, а вот прыгать с парашютом не хочет. Но всё равно он у меня прыгнет. Все, кто относится к десанту, должны уметь прыгать, даже повара и штабные писари.

Прыгать будут оба батальона, прямо из десантных люков крепости. Просто совпало, что крепость перегоняли с этой площадки на другую, и для этой цели «Императрица» взмывала в небо. Этим мы и воспользуемся.

Я посмотрел на часы, которые мне подарил Рэгвард ещё во время южной кампании. Стрелка подбиралась к восьми часам. В это время года даже не сразу поймёшь, утро это или вечер.

— С-с-строиться! — приказал Флетчер своему батальону.

Я смотрел, как он справляется. И думал о той высадке, когда мы оказались во Фледскарте и начали умирать. Среди всех ошибок, допущенных в тот день, я искал те, которые мог исправить сам.

Главную ошибку имперского десанта в тот день я понял быстро.

Покойный командор Шлейн, наш бывший командир, был хорошим человеком. Его ценило командование, уважали офицеры и любили солдаты, которые называли его Батей. В министерстве и даже при дворе он был за своего, и его прочили на должность командующего всем имперским десантом. И даже обсуждали, что со временем он может стать имперским генералом, а то и главнокомандующим.

Но Шлейн при жизни допустил большую ошибку, которая стоила жизни многим нашим бойцам и офицерам.

Он всё замыкал на себе. Предыдущий командор мог командовать ротами в обход командиров батальонов или даже взводами по своему желанию. Иногда даже отделениями руководил, если ему было так нужно.

Конечно, иногда это бывает необходимо, ведь ситуация в бою меняется быстро, и иногда проще направить отряд самому, чем искать ответственного офицера. Но у Шлейна на ручном

контроле было всё — от действий во время учений до служебной рутины. В мирное время он с этим справлялся, и десант при нём работал как часы.

Но во время боевых действий его ранили в первые минуты после высадки, и всё рассыпалось, потери были очень большие. Шлейна до сих пор вспоминали добрым словом, но факт есть факт.

В имперском десанте командор всегда отправляется на высадку лично, так повелось с первого дня существования крепостей и десанта. Поэтому я буду высаживаться в числе первых, а возвращаться в числе последних.

Но в случае, если меня не станет, командиры должны принимать решения сами.

Вот я и вмешался, когда увидел, что старая ошибка повторяется.

Второй батальон заканчивал погрузку. Флетчер за этим наблюдал и лично вмешивался, когда бойцы не понимали, что от них хотят, а молодые офицеры путались. В итоге всё получилось, но заняло слишком много времени.

— Капитан, задержитесь, — позвал я Флетчера, когда батальон оказался внутри огромной машины.

— Да, гос-с-сподин командор, — он подошёл ко мне.

При всех его отчитывать нельзя ни в коем случае, это подрывает авторитет командира. Поэтому я говорил с ним наедине.

— Юджин, ты чего своих командиров загнобил? — продолжил я. — Скоро рот будут бояться открыть.

— В с-с-смысле? — удивился Флетчер.

— Ты своих ротных игнорируешь, сразу к взводным лезешь. Или поправляешь постоянно, вмешиваешься или их приказы отменяешь. Даже думать им не даёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.